

Глава 19. Что значит «одинаковые браслеты»?

Молодой человек смотрел на него сверху вниз. Его бледное лицо тонуло в тени, и лишь глаза сверкали холодным блеском. Та безупречная зеркальная гладь, которую он так старательно поддерживал, внезапно пошла трещинами, обнажив острое, как лезвие, намерение. На таком близком расстоянии его взор напоминал взгляд древнего орла, вцепившегося в намеченную добычу.

«Так это, оказывается, не просто тихое озеро», — отстранённо подумал Цю Бодэн.

Ши Уло не сводил глаз с лица юноши, замечая, как густые ресницы отбрасывают на кожу лёгкие тени. Его дыхание стало медленным и тяжёлым, а тонкие губы плотно сжались.

Он хотел...

— И что же ты задумал?

Цю Бодэн небрежно усмехнулся. Он вскинул голову, и его тёмные глаза блеснули глубокой, почти непроглядной чернотой. Внезапно он подался вперёд, так что их лица почти соприкоснулись. Приблизившись к самому уху Ши Уло, он едва ощутимо задел его край кончиком острого белого клыка. Его понизившийся голос прозвучал сладко и в то же время угрожающе, напоминая скрежет сахарных крупинок.

— Будешь пакостить — укушу.

Ши Уло резко отшатнулся, и его уши мгновенно залила густая краска.

Пробудившиеся было инстинкты вмиг улетучились, оставив после себя лишь мимолётное воспоминание о влажном тепле и едва заметном уколе боли.

Цю Бодэн и сам не ожидал такой реакции. Опешив на мгновение, он прислонился спиной к стене и расхохотался. Он смеялся так заразительно, что всё его тело содрогалось, а плечи мелко дрожали.

— Ну ты и... ну и ну!

Слишком забавный.

Ливень припустил с новой силой, наполняя мир шумом ветра и воды. Мрачное пространство под навесом словно осветилось этим бесшабашным смехом, заставив холод и тьму отступить.

Ши Уло хранил угрюмое молчание, продолжая сжимать запястье Цю Бодэна. Даже отступив, он так и не выпустил его руку.

Цю Бодэн, всё ещё не в силах сдержать весёлое фырканье, решил проявить великодушие к его смущению и позволил удерживать себя. Из пальцев Ши Уло выскользнули два золотистых дракона Куй. Их чешуйчатые тела мягко обвили кожу юноши, и под серию тихих, частых щелчков браслет вновь застегнулся на его руке.

Как только браслет с драконом Куй вернулся на место, остатки дурмана в голове Цю Бодэна начали рассеиваться.

— А ты хоть знаешь, что значит, когда браслеты одинаковые? — Цю Бодэн поднял руку, рассматривая украшение, а затем бросил на Ши Уло странный взгляд. — Дружеский совет: правильный ответ только один.

Ши Уло посмотрел на него с явным замешательством.

— Подумай хорошенько, прежде чем отвечать.

Цю Бодэн спрятал руки в рукава.

— Браслеты...

Ши Уло опустил взгляд на собственное правое запястье, где красовался точно такой же браслет с драконом Куй. Едва заметная чёрная ци клубилась в пастях драконов. Оба древних украшения были идентичны по форме, но цели, с которыми их носили, различались кардинально.

Интуиция подсказывала Ши Уло, что правильный ответ никак не связан с предназначением артефактов.

Дождь продолжал неистово барабанить по крыше.

Глава Десяти Шаманов, перед которым трепетали и боги, и демоны, долго колебался и в итоге предпочёл осторожно промолчать.

Цю Бодэн издал короткий смешок, оттолкнул его и, не церемонясь, прихватил единственный зонт, прислонённый к стене. Раскрыв его и подхватив кувшин с вином, он зашагал прямо в стену дождя. Полы его тяжёлого плаща развевались на ветру, открывая взору ярко-алые одежды.

Ши Уло растерянно замер под навесом.

Браслеты с драконом Куй с самого момента создания были парой. Только когда они оба были рядом, проявлялся их истинный эффект. Что ещё это могло значить? Но ведь он сам их выковал... Ши Уло чувствовал, что совершил какую-то ошибку, но, из-за того что он редко общался с людьми, никак не мог понять, в чём именно она заключалась.

Юноша с кувшином вина в руках, шлёпая по лужам, успел пройти почти половину улицы, когда на углу внезапно обернулся. Потоки воды стекали с краев его зонта наклонными линиями.

— Ты забыл про наш уговор выпить!

— Я...

«Я не забыл».

Но Цю Бодэн не дал ему времени на ответ — он скрылся за поворотом и исчез из виду.

«У него снова растрепались волосы», — отрешённо подумал Ши Уло. Его рука скользнула в рукав, сжимая деревянный гребень, который он так и не успел достать.

— Ты ведь всё хорошо разглядел?

— Лучше некуда.

— Молодой господин Цю был в том самом чёрном плаще, верно?

— Верно.

— Ушёл налегке, а вернулся с зонтом, так?

— Так.

Лу Цзин с праведным негодованием хлопнул по столу:

— Вот в этом-то и кроется подвох!

— В-в чём именно? — Цзо Юэшэн, как ни странно, не поспевал за ходом мыслей товарища.

— Ну ты и тугодум! — Лу Цзин выразительно зажестичулировал. — Тот чёрный плащ такой широкий, такой огромный... По фигуре он совершенно не подходит этому... как его... «жрецу-оракулу».

— И что с того? — Цзо Юэшэн всё ещё не понимал сути претензий.

— Глупец! — Лу Цзин едва не задохнулся от возмущения. — Это же очевидно: наш Цю пытается усидеть на двух стульях сразу! Какое бесстыдство!

Одиннадцатый господин Лу выглядел глубоко уязвлённым.

Заклинатели обычно не придавали большого значения полу или даже расе своих спутников на пути Дао — жизнь в миазмах и так была не сахар, чтобы ещё забивать голову тем, с кем сосед делит ложе.

Лу Цзин всегда считал себя «благородным мужем» в делах сердечных. И пусть в городе Фу он не раз впадал в панику, перед лицом прекрасных дам он мгновенно преображался в галантного кавалера. В последнее время, благодаря слухам о его «героическом вкладе в спасение города», местные красавицы частенько бросали на него многозначительные взгляды.

А ведь раньше, из-за его репутации повесы, любая женщина в городе Фу старалась обойти его за версту.

Очевидно, у Лу Цзина, который с трёх лет отирал пороги весёлых кварталов, была своя философия на этот счёт:

— Я статен, красив и сказочно богат. Если я подарю своё сердце лишь одной женщине, разве это не будет оскорблением для тысяч других, столь же нуждающихся в ласке? — вещал он. — К тому же, я ветреник, но не подлец. Я многолюб, но не бабник. Небо мне свидетель: если я сойду с какой-нибудь сестрицей, то буду предан ей всей душой. А если нам придётся расстаться, я никогда не скажу о ней дурного слова.

— Но самое главное... — Лу Цзин с прискорбием разложил на столе стопку свежих рукописей.
— Если он затеял интрижку на стороне, мой роман о любви с первого взгляда пойдёт прахом!

— ...

Цзо Юэшэн посмотрел на исписанные листы и внезапно проникся к Лу Цзину искренним уважением.

Писать роман, сделав главным героем молодого господина Цю... Этот Одиннадцатый господин, который обычно казался бесперспективным недотёпой, в этот раз проявил поистине самоубийственную отвагу.

Размышляя об этом, Цзо Юэшэн притянул к себе листы и начал их просматривать. Его лицо постепенно становилось всё более странным.

Он не питал интереса к литературе и не обладал тонким вкусом, но в делах наживы его интуиция была безупречна. Бегло просмотрев текст, Цзо Юэшэн обнаружил, что у Лу Цзина определённо есть талант: история о том, как «красота лишает рассудка», была написана на редкость проникновенно и захватывающе.

И название было подобрано весьма изысканное — «Приказ о возвращении в сон».

Чутьё подсказывало Цзо Юэшэну: если напечатать пару миллионов экземпляров, их сметут с полок в мгновение ока.

— Погоди, — в глазах Цзо Юэшэна вспыхнул азартный огонёк, и он поспешил выдать сомнительную идею. — Разве Лоу Цзян не говорил, что этот юный оракул, скорее всего, какой-то скрывающийся мастер? Вполне возможно, что тот чёрный плащ принадлежит именно ему. Тогда получается, что это не измена, а взаимная любовь. А потом... ну, скажем, этот мастер не хочет раскрывать свою личность из-за дурной славы или какой-то кровной вражды со школой Тайи... Разве это не сделает историю ещё более трогательной?

— А ведь ты прав, — Лу Цзин задумчиво прикусил кончик кисти.

Цзо Юэшэн решил ковать железо, пока горячо:

— Я считаю, что твой слог просто великолепен. «Приказ о возвращении в сон» написан так вдохновенно, что было бы преступлением не дать людям им насладиться. Послушай, мой Павильон Гор и Морей достиг небывалых высот в печатном деле. Почему бы тебе не отдать рукопись мне? Я помогу с изданием и продажей.

Лу Цзин засомневался:

— Я ведь писал это просто ради забавы... Если Цю Бодэн узнает...

— Можешь взять псевдоним, — беспечно отмахнулся Цзо Юэшэн. — Вот мой дед, например. Чтобы доказать, что его записки покупают из-за таланта, а не из-за имени, он назвался «Цю Минцзы». Если мы оба будем держать язык за зубами, как молодой господин Цю об этом узнает?

— Ну...

— Прибыль поделим: семьдесят процентов мне, тридцать тебе.

— Пятьдесят на пятьдесят.

— Исключено! — Цзо Юэшэн принялся загибать пальцы, подсчитывая расходы. — Ты хоть представляешь, сколько камней формации уходит на каждый запуск печатного станка? А бумага, тушь, шнуры для переплёта... А расходы на перевозку в книжные лавки других областей...

У Лу Цзина голова пошла кругом от этих цифр:

— Шестьдесят на сорок! И это моё последнее слово!

— По рукам! — Цзо Юэшэн просиял.

— О чём это вы тут договорились?

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошёл Цю Бодэн.

— Молодой господин Цю! Ох, наконец-то вы пришли! — Цзо Юэшэн подскочил, как на пружине. В последнее мгновение он успел заслонить своим внушительным телом побледневшего от ужаса Лу Цзина и всё, что лежало на столе. — Мы как раз собирались вас искать! Тут дело есть, очень важное.

— Какое ещё важное дело?

Цю Бодэн с недоумением посмотрел на него.

— Неужели нашли того, кто обучил Гэ Цина запретному искусству переплавки божества для создания духа?

— Э-э... нет, пока не нашли, — Лу Цзин лихорадочно запихивал рукописи в сумку из горчичного семени, после чего тоже поспешил навстречу. — Речь о юной госпоже Лю и Е Цане.

Услышав эти имена, Цю Бодэн вспомнил, что в пылу сражения он забросил Е Цана и А Жэнь подальше от эпицентра битвы.

Интересно, не приложились ли они головой о какой-нибудь камень или дерево?

Впрочем, вряд ли.

— С госпожой Лю всё в порядке, — сообщил Лу Цзин. — Теперь она единственная дева-жрица,

и через несколько дней станет новым городским оракулом. Но... Лоу Цзян только что заходил к тебе. Он спрашивал, не знаешь ли ты, где печать городского оракула? На теле этого старого... кхм... костехруста её не нашли.

— А, это, — небрежно отозвался Цю Бодэн. — Я её тогда заодно и уничтожил.

— Уничтожил?! — Цзо Юэшэн вытаращил глаза. — Дедушка ты мой родной, ты хоть знаешь, сколько стоит отлить новую печать? Как можно было её «заодно» уничтожить?

— Зачем хранить то, что осквернено и воняет гнилью? — парировал Цю Бодэн.

— ...Ну конечно, деньги-то не твоей школы Тайи тратятся, тебе и дела нет, — проворчал Цзо Юэшэн.

— А что с Е Цаном?

Цю Бодэн решил проявить толику участия к судьбе главного героя оригинальной истории. В конце концов, в «Хрониках Богов» этому парню немало досталось из-за выходок маленького предка-наставника, но он стойко нёс своё бремя. Будет нехорошо, если по его вине герой превратился в дурачка в первые же три дня.

— Да этот Е Цан после твоего броска совсем с катушек съехал! — громко объявил Цзо Юэшэн.

— Глупость, безумие, морок и бред — в облике ложном скрыт истинный след.

— Прочь уходите, забудьте покой — сон обернётся пустой суетой!

На дороге, ведущей из города Фу в город Жу, прямо посреди ядовитых миазмов сидела сияющая голова... нет, сияющий монах. Облачённый в потрёпанную рясу и плетёные сандалии, он неподвижно восседал на камне. С благообразным видом он распевал безумные песни, а стук его деревянной рыбы разносился далеко вокруг.

Окружённый толпой бродячих призраков, он невозмутимо перебирал чётки. Мертвецы не приближались к нему, лишь кружили поодаль, отчего монах, излучающий мягкое золотистое сияние, походил на статую Будды, сошедшую в мир страданий.

— Пустота! В животе одна лишь пустота!

Деревянная колотушка с силой опустилась на рыбу и с громким треском переломилась.

Прямая спина монаха тут же ссутулилась, длинные брови скорбно сошлись на переносице, а в животе раздалось громкое урчание. Он торопливо выудил из узла чёрствую лепешку, с величайшей осторожностью откусил кусочек и с надеждой посмотрел вдаль.

— Не может быть, — пробормотал он под нос. — Я ведь просил Баньсуаньцзы погадать. Он клялся, что на этой дороге меня ждёт великая «денежная удача» и встреча с благородными господами, у которых есть связь с Буддой. Я торчу здесь уже несколько дней, а обещанных подателей милостыни всё нет. Неужели этот пройдоха снова меня надул?

Кое-как утолив первый голод, монах заколебался: стоит ли ждать дальше или пора признать поражение?

Чтобы произвести впечатление «мудрого старца» на будущих благодетелей, он проделал огромную работу. Изучив множество романов, он вывел золотое правило: «чем рванее ряса и безумнее песни, тем выше духовный уровень». Он скрепя сердце превратил свою одежду и обувь в это лохматое непотребство.

И каков результат?

— Щедрые господа, ну где же вы?

— Я больше не выдержу!

Монах в отчаянии приложился лбом к деревянной рыбе.

Бам.

Е Цан тяжело опустился на колени, выпрямив спину:

— Прошу старейшину Цю принять меня в школу Тайи.

Цю Бодэн медленно повернул голову к хихикающим в стороне Цзо Юэшэну и Лу Цзину:

— Я что, так сильно похож на святого дурака, спасающего всех страждущих?

— Ещё как! — в один голос отозвались те. — Вы — само воплощение красоты и добродетели!